

Три проблемы и одна апология: к 150-летию книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа»

Аннотация. В статье рассматриваются три аспекта историко-философских идей Н.Я. Данилевского в его книге «Россия и Европа»: 1) проблема единства культурно-исторического типа и понятия формационного принципа; 2) проблема соотношения общего и частного в истории; 3) вопрос о единстве и преемственности в мировой истории на примере Восточного вопроса. В статье также критически рассматриваются повторения в современной науке старых обвинений Данилевского в заимствовании своих идей у немецкого историка Г. Рюккерта. Доказывается необоснованность и несправедливость подобных обвинений.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, цивилизация, философия истории, Г. Рюккерт, эйдос, логос, Восточный вопрос, культурно-исторический тип, общее и частное, род и вид, Н.Н. Страхов, В.С. Соловьев.

В 2019 г. исполняется 150 лет со дня выхода в свет книги Н.Я. Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа», которая первоначально издавалась в отдельных номерах журнала «Заря». В этой связи я бы хотел рассмотреть три вопроса, касающихся принципиальных положений и конкретно-исторических идей, высказанных в этом знаменитом сочинении, а также еще раз напомнить о несправедливых обвинениях, которые с недоброй руки В.С. Соловьева до сих пор повторяются критиками Данилевского.

1. Теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского или, шире, цивилизационный подход к истории принято обвинять в склонности к историческому партикуляризму и номинализму. Тот же В.С. Соловьев в свое время восклицал: «Неужели внутренний всеединый *логос* (слово), создающий

человеческую речь, менее реален, нежели его частные разветвления в национальных разновидностях этой речи?»¹. Соловьеву кажется убийственным аргумент, что если отрицать реальность единого и реального логоса человечества, то «точно так же» упразднится единство народа, поскольку народ «есть лишь моральное и юридическое лицо»². Но очевидно, что этот аргумент можно повернуть в противоположную сторону: если логос человечества реален и действителен, то почему не будут реальными и действительными логосы народов, поскольку, в конечном итоге, природа логоса – «точно такая же»? Столь же часто Данилевского обвиняют в механическом смешении разнородных элементов социального (религии, нравов, экономики, этнографии, географии, политики, культуры, общества³), которые им объединяются, неизвестно по какому критерию, в условные единства культурно-исторических типов⁴. Посмотрим, как сам Данилевский отвечал на эти проблемы.

Действительно, если Данилевский признает культурно-исторические типы «самостоятельными организациями»⁵, что является принципом их единства? Организм не может быть сведен только к своим элементам, иначе он теряет свое качество как именно организма. Ни один из элементов организма не может выполнять функцию обеспечения единства всего организма, иначе он перестанет быть элементом. Данилевский вполне осознает проблему, другое дело – как он ее решает. Мы не находим в тексте «России и Европы» развернутого ответа на данный вопрос. Но определенное направление решения у Данилевского намечено. В ряде мест он упоминает о том, что всякий культурно-исторический тип образуется только благодаря наличию «формационного принципа». Каждая цивилизация имеет «свой формационный принцип или об-

¹ Соловьев В.С. Немецкий подлинник и русский список // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 12 т. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. – Кн. 3. – Т. V. – С. 351.

² Соловьев В.С. Самосознание или самодовольство? // Там же. – С. 364.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к романо-германскому. – СПб., 1895. – Изд. 5-е. – С. 184. Здесь и далее я цитирую труд Н.Я. Данилевского по наиболее авторитетному изданию 1895 г., поскольку все доступные мне переиздания после 1991 г. крайне неудовлетворительны.

⁴ Флоровский Г.В., прот. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 256.

⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – С. 44–45.

разовательный принцип»⁶, для возникновения новой цивилизации необходим «новый формационный (образовательный) принцип», который соединит разнородные элементы в «новый исторический организм»⁷. Поэтому этот принцип можно называть «новым жизненным принципом», поскольку он порождает новую историческую жизнь⁸. Данилевский прибегает к целому набору описаний этого принципа: «внутреннее самобытное начало»; «крепкое, твердое ядро»; «здоровое ядро», «своеобразные начала культурно-исторического типа», «особое свойство духа», «залог в духовной природе»⁹. Формационный принцип обеспечивает цивилизации ее культурную и духовную независимость, теснейшую связь внутренних и внешних ее проявлений, разнообразие, полноту, богатство, сложность всех элементов культурно-исторического типа¹⁰. Этот принцип не является абстракцией, когнитивной конструкцией, но имеет собственную активность, которая вполне зримо являет себя в истории. Через него или в нем действует «культурородная сила в человеческом роде» (природа этой силы не вполне ясна)¹¹. Таким образом, формационный принцип – реален. Кроме того, он позволяет каждому типу реализовать свой путь развития, качественно отличный от всех иных исторических путей развития¹². Поэтому свести всемирную историю к линейному прогрессу с «лучезарной» глобальной вестернизацией в его конце невозможно, немислимо и опасно. По этой же причине принцип одного культурно-исторического типа не может передаваться другим типам, сколько бы фактически заимствований и влияний между ними не происходило¹³. Аргумент о наличии в истории огромного количества взаимовлияний между самыми несвязанными культурами, таким образом, немошен в отношении теории Данилевского. Формационный принцип как реальная сила реализует себя в последовательности

⁶ Там же. – С. 131.

⁷ Там же. – С. 93.

⁸ Там же. – С. 394.

⁹ Там же. – С. 285, 50, 67, 76, 102, 111.

¹⁰ Там же. – С. 295, 106, 288.

¹¹ Там же. – С. 465.

¹² Там же. – С. 114–115.

¹³ Там же. – С. 95.

исторических форм, которые являются этапами саморазвертывания всех внутренних потенций этого принципа – в идеале до полного их воплощения и исчерпания в действительности. Каждый тип начинает свое развитие с состояния бессознательного этнографического материала, когда накапливается «запас сил», которые потом будут истрачены на создание цивилизации, государства, сознательной культуры и по исчерпанию которых придут упадок, апатия, тупое самодовольство и смерть¹⁴. В другом случае Данилевский описывает тот же процесс как переход от первобытной воли через государственную неволю к законной свободе и в конце вновь к смерти¹⁵. Этот процесс неизбежен, во-первых, потому что это внутренняя логика природы формационного принципа, а во-вторых, – это следствие односторонности, отвлеченности и ограниченности этого принципа. Ни один из формационных принципов, а следовательно, ни один из культурно-исторических типов не является реализацией всей возможной полноты сил, заложенных в человеческой природе и мировой истории. Если отдельный человек может ожидать воскресения и вечной жизни, то для всех культурно-исторических типов «нет живой воды»¹⁶. Поэтому претензии Запада на окончательное воплощение смысла человечества лживы, лицемерны и являются «догматом» только для самого Запада, а для остального мира – они лишь фиговой листок безжалостной экспансии. Как видим, Данилевский в своих представлениях об историческом развитии вполне следует схемам немецкой классической философии и домарксистского социализма. Не прав Соловьев, обличавший Данилевского в эмпиризме и реализме, в чуждости «философскому идеализму и поэтической фантазии», противопоставляя его славянофилам, «поэтам, воспитанным на Гегелевской диалектике»¹⁷. Большую пронизательность и справедливость проявил Н.Н. Страхов. Он укорял Данилевского за пренебрежение философией и указывал на зависимость его мышления от логических приемов Гегеля¹⁸.

¹⁴ Там же. – С. 111–113.

¹⁵ Там же. – С. 118.

¹⁶ Там же. – С. 234.

¹⁷ Соловьев В.С. Россия и Европа // Соловьев В.С. Собрание сочинений. – С. 86.

¹⁸ Страхов Н.Н. Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому // Русский вестник. – М.,

Данилевский допускал, что действие формационного принципа ограничено в историческом времени. «Стареется принцип...», – пишет он¹⁹. Как принцип может стареть? Очевидно, это метафора. Принцип может только исчерпать себя, осуществив все свои возможности. Когда такое происходит, культурно-исторический тип начинает разрушаться, начинается «оскудение духа», вместо «здорового ядра» возникает «свищ с крепкой скорлупой», «ложь и гниль» вытесняют истину и жизнь²⁰. Культурно-исторический тип погибает, его элементы возвращаются в первоначальное состояние «этнографического материала» и поглощаются еще живыми типами. Данилевский больше всего опасался такой судьбы для России. Его книга – попытка осознать реальность опасности для России превратиться в «гигантского лишнего», в исторический плеоназм, в бессмысленную «жертву на алтарь Европы», в *tabula rasa*²¹. Он рисует жуткую картину этой возможности: «А России, не исполнившей своего предназначения и тем самым потерявшей причину своего бытия, свою жизненную сущность, свою идею, – ничего не останется, как бесславно доживать свой жалкий век, перегнивать как исторический хлам, лишенный смысла и значения, или образовать безжизненную массу, так сказать, неодухотворенное тело и, в лучшем случае, также распуститься в этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций, даже не оставив после себя живого следа»²². Такую судьбу Данилевский желает только для Запада, хотя она может ожидать любой культурно-исторический тип.

Формационный принцип Данилевский тесно связывает (иногда отождествляет) с принципом этнографическим²³. Первоосновой культурно-исторического типа является тот или иной народ и «качественные различия племен», так что Данилевский может говорить, например, о «германском об-

1901. – Т. 271. – № 1. – С. 127: «Логические приемы Гегеля проникли повсюду, во все науки, во все литературы, в газеты и в детские книжки. Они есть и в вашей “России и Европе”, они тот воздух, которым мы дышим. Хорошо ли ругаться над ними, употребляя их на каждой странице?».

¹⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – С. 180.

²⁰ Там же. – 323–324, 66, 67.

²¹ Там же. – С. 63–64, 65.

²² Там же. – С. 437.

²³ Там же. – С. 394, 106.

разовательном принципе»²⁴. Кроме того, первоначальным ядром цивилизации мыслитель может считать политико-культурные образования вроде «империи» Карла Великого или Руси времен князя Владимира²⁵. Таким образом, формационный принцип всегда воплощен в какой-то исторической реальности, которая является и его носителем, и его манифестацией. Только один раз Данилевский рискнул определить основное свойство формационного принципа. Он считал, что природу романо-германского принципа отличает насильственность²⁶. Кроме того, познание формационного принципа Данилевский полагал «последним пределом сознательности», доступной человеку в постижении истории²⁷. Сам же принцип, очевидно, нематериален, почему Данилевский часто именуется его идеей. Он той же природы, что и логос, природу которого, как полагал Соловьев, якобы не понимал Данилевский. Скорее, Данилевскому не хватало философской подготовленности, чтобы точнее сформулировать свою собственную мысль.

2. «Россия и Европа» является первым трактатом, в котором последовательно деконструируются все базовые мифологемы исторического мега-нарратива западной цивилизации. Данилевский блистательно разоблачает искусственность и предвзятость понятия «Европа» и уже тогда набившего оскомину противопоставления «Европы» и «Азии»; представления о западной цивилизации, как якобы тождественной человечеству; полную непригодность и дискриминационный характер деления всемирной истории на древнюю, среднюю и новую²⁸. Он делает очевидным западный исторический проективизм, когда все человечество рассматривается как проекция одного культурно-исторического типа. Это «перспективная ошибка»²⁹, а не историческая истина. Однако именно по этой причине Данилевского обвиняли в крайнем историческом номинализме. Посмотрим, как мыслитель решал существенную для философии проблему всеобщих понятий.

²⁴ Там же. — С. 96.

²⁵ Там же. — 257, 450.

²⁶ Там же. — С. 191

²⁷ Там же. — С. 109–110.

²⁸ Там же. — С. 22–23, 57–59, 72–73, 82–86, 91, 327–330.

²⁹ Там же. — С. 84, 85–86.

Эту проблему Данилевский рассматривает на примере отношений понятий человечества и народа. Он полагает, что «человечество и народ (нация, племя) относятся друг к другу, как родовое понятие – к видовому; следовательно, отношения между ними должны быть вообще те же, какие вообще бывают между родом и видом». В понятие рода, по Данилевскому, включается то, что «есть общего во всех видах». Род как таковой представить невозможно: «это нечто отвлеченное, неполное», поэтому ему требуются дополнения. «Род, понимаемый в этом смысле, есть только отвлечение, получаемое через исключение всего, что есть особенного в видах; это – сумма свойств всех видов, за вычетом всего, что есть в них не-общего всем им, и потому род есть нечто в действительности невозможное, по своей неполноте нечто более бедное, чем каждый вид в отдельности, который, кроме общеродового, заключает в себе еще нечто особенное, хотя это особенное и менее существенно, менее важно, чем общее»³⁰. Это, так скажем, логическое определение отношений рода и вида.

Однако Данилевский предлагает и другое понимание рода. То, что есть общего в роде, может для своего осуществления соединяться с какими-то определенными особенностями, а не со всеми логически возможными. «Следовательно, в каждом родовом понятии, кроме отвлеченной совокупности его признаков, заключается еще способность дополняться известным только образом – для своего осуществления в действительности, – способность, которая теоретически неопределима, а только эмпирически исследуема». Тогда род будет состоят не из всех вообще признаков, общих всем видам, но только «из этого общего с прибавкою всех тех дополнений, к которым он способен». Тогда род уже не остается простым отвлечением, но ему будет соответствовать «нечто реальное, только не в одном существе, не одновременно и одноместно, а лишь в разных существах – разновременно и разноместно осуществимое». Первый вариант рода Данилевский называет «*общевидовым*», второй – «*всевидовым*»³¹. Я бы назвал второй вариант эмпирическим определением отношений рода и вида. Для

³⁰ Там же. – С. 125–126.

³¹ Там же. – С. 126, 127, 128, 129–130.

Данилевского также важно, что вид во втором варианте не обязательно представлять как генетически самобытный³². На основе этой логической базы Данилевский проводит свое известное разделение понятий *общечеловеческого* и *всечеловеческого*, которое позволяет ему обезопасить свою теорию от отождествления логического и исторического, или от гегельянской ошибки. Критика Соловьева и здесь бьет мимо цели, когда пытается свести рассуждения Данилевского к простому примеру из формальной логики, доказать, что отношения рода и вида чисто условны, а Данилевский якобы постоянно сбивается в определениях реальных видов человеческого рода³³. Соловьев пытается противопоставить делению на род и виды разделение на целое и части, рассматривая отношения человечества и народов как отношение целого к своим частям, подобно отношениям тела к своим органам³⁴. Однако у Данилевского речь идет не о категориях, которые мы можем применять к истории, но о самой реальности истории. Мыслить все человечество как единое тело пока что можно только с точки зрения теократического утопизма. Для Данилевского же существует только единственный случай реального объединения всечеловеческого и личного: таковым «был только один Всечеловек, – и Тот был Бог»³⁵. Свое понимание соотношения общего и частного в истории Данилевский уподобил «улицам, взаимно пересекающимся и своими пересечениями образующими площадь, которая в отношении каждой улицы составляет только часть ее и равно принадлежит всем улицам, а потому меньше и теснее каждой из них в отдельности. Чтобы содействовать развитию города, ...ничего не остается делать, как отстраивать свою улицу по собственному плану, а не тесниться на общей площади и не браться за продолжение чужой улицы... и тем не лишая город подобающего разнообразия и распространения во все стороны»³⁶. В этом смысле надо понимать слова мыслителя, что культурно-исторический тип – это «живой

³² Там же. – С. 127.

³³ Соловьев В.С. Россия и Европа. – С. 126–130.

³⁴ Там же. – С. 131–132.

³⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – С. 129.

³⁶ Там же.

и деятельный орган человечества»³⁷. Здесь нет противоречия, которое пытается обнаружить Соловьев³⁸.

Понимание соотношения общего и частного у Данилевского гораздо ближе к реальности истории, чем у Соловьева, что позволяет ему верно оценивать сложность постижения действительного исторического развития³⁹. Данилевский ясно понимает, что «все живое, органическое должно заключать в себе внутреннюю сущность, смысл, идею, – то, что мы называем душою и чему оно служит только оболочкою, выражением»⁴⁰. Подлинно живое всегда идеально, а подлинно идеальное – всегда живое. По этой причине не может передаваться идея одного типа другому. И по той же причине невозможно построить прогрессивной шкалы исторических типов, как невозможно считать Канта прогрессивнее и развитее Платона⁴¹. Данилевский хорошо сознает, что «морфологические законы... организмов нам совершенно неизвестны» и что причины большинства исторических событий нельзя «надеяться отыскать ближе, чем в самом том плане миродержавного Промысла, по которому развивается историческая жизнь человечества»⁴². Эти мысли Данилевский позже будет развивать в своем труде «Дарвинизм»⁴³.

Итак, Данилевский интерпретирует соотношение общего и частного как соотношение живых идей, имеющих действительное воплощение. При этом слова и понятия не могут быть без значения, имеющего соответствие в реальности⁴⁴. Деконструированная «Европа» оказывается вполне реальным Западом. Таким образом, позиция Данилевского не номиналистическая, но реалистическая.

3. Идеи Данилевского часто понимают упрощенно, как проповедь изолированных друг от друга культурных миров, которые почти никак не взаимодействуют и не выстраиваются в историческую преемственность. Это не верно. После деконструкции западного «искусствен-

³⁷ Там же. – С. 131.

³⁸ Соловьев В.С. Россия и Европа. – С. 131.

³⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – С. 449–451.

⁴⁰ Там же. – С. 382–384.

⁴¹ Там же. – С. 113–114.

⁴² Там же. – С. 335, 337.

⁴³ См.: Прасолов М.А. О самобытности // Воронежская беседа. – Воронеж: 1995. – Вып. 1. – С. 22–23.

⁴⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – С. 59–60.

ного деления» мировой истории как борьбы «Европы» и «Азии», которая только скрывает или запутывает истинное положение дел, Данилевский предлагает иную картину хода истории, по крайней мере, в ареале Западной Евразии и Средиземноморья. Он предлагает рассматривать ее как борьбу между культурно-историческими типами, в которой они реализуют свои собственные принципы, но и передают в качестве наследия задачу борьбы исторически сменяющим их типам. Таким образом, Данилевский выстраивает общую предысторию Восточного вопроса. В эту борьбу втянуты эллинский, римский, иранский, древнесемитический, германо-романский и славянский культурно-исторические типы. Борьба двух последних типов есть «то, что известно под именем “Восточного вопроса”, который, в свою очередь, есть продолжение древневосточного вопроса, заключавшегося в борьбе римского типа с греческим»⁴⁵. Данилевский дает «беглый очерк» этой «уже с лишком две тысячи лет» продолжающейся борьбы.

После того как эллины отстаивали свою свободу в борьбе с иранским типом, Эллада погрузилась в бесконечные междоусобия. «Греция теряла уже свои политические силы, прежде чем ее гений исчерпал свое содержание», то есть эллинский тип не успевал в полноте раскрыть свой принцип. Тогда «явился гениальный муж» – Филипп Македонский, который «как бы побуждаемый пророческим инстинктом, стремится обеспечить самобытность политической судьбы греческого народа и греческой культуры». Данилевский предполагает, что Филипп создал бы «Греко-Македонское государство приблизительно в границах» будущей Византии. «Такое государство заключало бы в себе все необходимые элементы для успешного сопротивления даже сокрушительной силе римского оружия» и для развития всех потенций своего принципа. Но убийство Филиппа отдало этот замысел в руки Александра, который, «не зная ни меры, ни границ» своих политических фантазий, погубил великий замысел. Выполнение «великой исторической мысли» досталось Риму, а когда Константин Великий основал «Новогреческую монархию», то эта мысль получила свое завершение: эллинский тип достиг наибольшей своей

⁴⁵ Там же. – С. 258–260, 264, 272.

реализации «в установлении православной догматики... и форм православного богослужения». Когда Рим и Византия «изжили свои творческие силы», они «должны были передать свое наследие новым народам», новым типам. Наследниками Рима стали германо-романские народы, наследниками Византии⁴⁶ – славяне. Но это означало возобновление «вековой борьбы, которая велась всяким оружием между Грецией и Римом»⁴⁷. Это противостояние в IX–XI вв. оформилось и как религиозное разделение между латинянами (католиками) и православными. Данилевский называет весь этот период борьбы «первым периодом Восточного вопроса – периодом закладки и подготовки». «С началом нового периода начинается и борьба между миром романо-германским и миром греко-славянским, борьба всяким – и духовным, и материальным оружием»⁴⁸. Вторым периодом стал «период напора германо-романского, католического и протестантского мира на православный славяно-греческий мир, – период, длившийся от дней Карла Великого до дней Екатерины Великой». Он завершился тем, что не без промыслительной помощи ислама⁴⁹, «царство Филиппа и Константина воскресло на обширных равнинах России». Российская империя оказалась наследницей тысячелетней исторической борьбы. Третий период, утверждает Данилевский, будет периодом «отпора славяно-греческого мира миру германо-романскому»⁵⁰. «Роли меняются»⁵¹, грядущая борьба двух культурно-исторических типов – неизбежна. В ходе этой борьбы Россия и славянство должны узнать, «суждено ли им образовать один из самобытных культурных типов всемирной истории, или им предназначено второстепенное значение вассального племени, незавидная роль этнографического материала, долженствующего питать собою своих гордых властителей и сюзеренов?»⁵².

Почему эта борьба необходима? Потому что, уверен Да-

⁴⁶ Данилевский почему-то не выделял Византию в отдельный культурно-исторический тип. На это в свое время обратил внимание К.Н. Леонтьев. Вообще, в оценках Византии у Данилевского преобладают характерные для западной историографии негативные метафоры.

⁴⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – С. 330-334.

⁴⁸ Там же. – С. 338.

⁴⁹ Там же. – С. 342-348.

⁵⁰ Там же. – С. 348-349.

⁵¹ Там же. – С. 353.

⁵² Там же. – С. 355.

нилевский, что насильственная природа западного культурно-исторического типа стремится к всемирной власти. Если Запад достигнет своей цели, это будет самое большое несчастье в истории человечества: господство одного типа сделает невозможным дальнейшее культурное развитие, исчезнет культурная самобытность и независимость, не будут появляться новые мирозерцания, новые цели, человечество не реализует всех возможностей своей природы, народы Земли окажутся в угнетении⁵³. Это будет настоящий конец Истории. Единственная достаточная «преграда мировому владычеству Запада»⁵⁴ – это Россия и славянство, которые должны создать славянский культурно-исторический тип, синтезирующий все первоосновы предыдущих исторических типов⁵⁵. По этой причине для Данилевского Россия «есть первичный, самобытный, всемирно-исторический факт»⁵⁶, а не просто государство в ряду государств. Поэтому России необходимо освободить, возглавить и объединить угнетенные Западом и исламом славянские народы, обрести «внеевропейское могущество», а также стать во главе освободительного движения всех угнетенных народов, повести за собой «весь этот материк, Западной, Средней и Восточной Азии»⁵⁷. Кроме того, России необходимо освободиться и внутри себя самой от «цивилизационного соращения» Западом, от «европейничанья» и нигилизма⁵⁸. России существенно необходимо вернуться к религиозным истокам своего бытия, потому что «без христианства нет истинной цивилизации»⁵⁹, а Запад становится радикально антихристианским. Итак, «...вся тяжесть – на плечах России»⁶⁰.

Мы видим, что Данилевский рисует яркий очерк развития мировой истории, который обладает своим смысловым единством, преемственностью и динамикой. Развитие

⁵³ Там же. – С. 347, 463–464, 465.

⁵⁴ Там же. – С. 449.

⁵⁵ Там же. – С. 424–425, 556.

⁵⁶ Там же. – С. 497.

⁵⁷ Там же. – С. 460, 463. Здесь очевидны контуры будущих евразийских идей.

⁵⁸ Там же. – С. 283, 389, 416, 420. См. также всю XI главу «Европейничанье – болезнь русской жизни» и статью: Данилевский Н.Я. Происхождение нашего нигилизма // Данилевский Н.Я. Горе победителям! Политические статьи. – М.: «АЛИР, ГУП «ОБЛИЗДАТ», 1998. – С. 288–335.

⁵⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – С. 234.

⁶⁰ Там же. – С. 462.

тысячелетней борьбы как единое целое нисколько при этом не противоречит идее отдельных культурно-исторических типов, но в ней и получает свое обоснование. Восточный вопрос, для Данилевского, есть «одна из всемирно-исторических идей»⁶¹, которая реализуется в трагическом противостоянии множества культурно-исторических типов. И эта идея будет реализована до конца, поскольку такова природа любой идеи. «И стройный порядок природы непогрешим, и история непогрешима», «в чем ощущается непосредственное действие божественного Промысла», той «великой идеи, осуществлением которой был Христос»⁶². «Или так, или никак»⁶³. Это то же конец Истории, но он не лишает человечество надежды на возможность дальнейшего развития.

Провиденциальная картина истории заставляет Данилевского усиливать пафос своих предсказаний. «Европа не случайно, а существенно нам враждебна», потому что сила этой «розни... проникает до самых оснований»⁶⁴. Борьба России и славянства с Западом – это «последняя битва Восточного вопроса»⁶⁵. Эта борьба является «единственным спасительным средством», «лекарством», действием «целебной силы исторических событий»⁶⁶. Борьба будет идти «за веру, свободу», «за угнетенных братьев», «за все священное для человека»⁶⁷. Эта цель «свята и велика»; это «святое дело», «общая борьба», «общее дело», «мировая борьба», «великая борьба» не только для России и славянства, но и для всего человечества⁶⁸. Можно сказать, это единственная *res publica* или *leitourgia* всемирной истории. Таким образом, утверждение реальности самобытных культурно-исторических типов нисколько не мешает Данилевскому сохранять провиденциальное видение хода истории. Книга заканчивается мощным аккордом: всемирная история предстает единым мощным потоком, исток которо-

⁶¹ Там же. – С. 356.

⁶² Там же. – С. 229, 552.

⁶³ Там же. – С. 481.

⁶⁴ Там же. – С. 513, 483.

⁶⁵ Там же. – С. 467–468.

⁶⁶ Там же. – С. 472, 514, 556.

⁶⁷ Там же. – С. 505.

⁶⁸ Там же. – С. 469, 481, 473, 505.

го теряется в глубочайшей древности («на берегах Нила»), в общем течении которого борются и разделяются потоки небесные и земные, а в устье ожидается пока неизвестное, чаемое будущее единство⁶⁹.

4. В академическом словаре «Русские писатели. 1800 – 1917» в статье Ш.А. Гумерова (ныне архим. Иов), посвященной Данилевскому, утверждается: «Данилевский единую всемирную историю отрицает. Как и немецкий историк Г. Рюккерт, Данилевский признает лишь историю относительно замкнутых культурно-исторических типов»⁷⁰. В книге И.Н. Ионова Генрих Рюккерт (1823–1875) прямо объявляется «автором теории локальных цивилизаций», идеи культурных типов, а труд Данилевского назван «дословным повторением аргументов Рюккерта»⁷¹. Таким образом современные авторы вновь вытаскивают на свет старое обвинение Данилевского в плагиате идей немецкого историка. Родоначальником этой клеветы был, как известно, В.С. Соловьев⁷². Я не предполагаю в данной заметке разбирать со всей подробностью этот вопрос, поскольку считаю его давно ясным, хотя многим все еще кажется, «что проблема Рюккерта и Данилевского до сих пор не получила окончательного решения»⁷³. Поскольку вопрос был решен еще Н.Н. Страховым в 1890 и 1894 гг., а позже – в 1955 г., его аргументы подтверждены Р. МакМастером, мне только остается напомнить их выводы – в данном случае с апологетической целью.

Данилевский не был знаком с книгой Рюккерта. Есть надежное свидетельство Страхова, который был ближайшим другом Данилевского и хорошо знал (отчасти сам помогал формировать) состав библиотеки и рукописи мыслителя. «Мне очень хорошо известно, – пишет Страхов, – что

⁶⁹ Там же. – С. 556–557.

⁷⁰ Гумеров Ш.А. Данилевский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 84.

⁷¹ Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. – М.: Наука, 2007. – С. 274.

⁷² В наиболее концентрированном виде она нашла выражение в статьях: Соловьев В.С. Счастливые мысли Н.Н. Страхова // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 12 т. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. – Кн. 3. – Т. V. – С. 312–319; Соловьев В.С. Немецкий подлинник и русский список // Там же. – С. 320–351.

⁷³ Ионов И.Н., В.М. Хачатурян. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. – СПб.: Алтейя, 2002. – С. 338. Эти слова, как и весь очерк о Данилевском в данной книге, принадлежат В.М. Хачатуряну.

Данилевский не читал книги Рюккерта, едва ли даже знал о ее существовании и, значит, никак не мог “воспользоваться” ее мыслями. Эта книга⁷⁴... вовсе не в ходу и очень мало известна⁷⁵. Страхов убедительно показывает, что В.С. Соловьев не узнал бы о книге Рюккерта, если бы сам Страхов не упомянул о ней мимоходом в примечании к предисловию в 3-м издании «России и Европы» 1888 г.⁷⁶

В сочинении Рюккерта нигде не встречается термин «культурно-исторический тип»⁷⁷. Слово *Culturtypen*, которое Соловьев переводит в своих интересах как «культурный тип», исходя из контекста правильнее переводить как «тип культуры»⁷⁸. Этот термин не имеет у Рюккерта теоретического значения и указывает на различные исторические пути развития культуры человечества, которые могут параллельно тянуться от первобытности до нашего времени⁷⁹. Ничего общего с идеей самобытных, временных, сменяющих друг друга культурно-исторических типов Данилевского эта мысль Рюккерта не имеет.

Рюккерт прямо связывал различные типы культур с расами и потому является одним из родоначальников расистских теорий⁸⁰. Никаких тенденций к расизму в книге Данилевского обнаружить невозможно. Его идея множественности культурно-исторических типов прямо противоположна идеям расового превосходства, она основана на принципе единства человеческой природы⁸¹.

⁷⁴ Имеется в виду книга Рюккерта «Учебник мировой истории в органическом изложении»: Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. – Leipzig, 1857. – Вд. 1-2.

⁷⁵ Страхов Н.Н. Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского // Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. – Киев, 1897. – Кн. 3. – С. 130; Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Там же. – С. 156–157, 158.

⁷⁶ Страхов Н.Н. Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского. – С. 130–131; Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского. – С. 153; Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 1888. – 3-е изд. – С. XXVII.

⁷⁷ Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского. – С. 164.

⁷⁸ Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского. – С. 160.

⁷⁹ Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. – Leipzig, 1857. – Вд. 1. – С. 94, 504.

⁸⁰ Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. – С. 246.

⁸¹ См. его критику прото-расистской немецкой антропологии: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – С. 185–189. Хачатурян признает «гуманистическое звучание» в книге Данилевского: Ионов И.Н., В.М. Хачатурян. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. – С. 327.

Рюккерт выделяет всего пять «культурных рядов» или «нитей» в истории человечества: китайский, индийский, арабский, восточно-христианский и германо-христианский. Причины их выделения неясны. Немецкий историк выстраивает эти ряды в иерархию по критерию, насколько одна из культур «лучше других выполняет историческую задачу»⁸². В итоге самой высшей культурой оказывается западная, поскольку (вы удивитесь) она основана на принципе «свободы». В конечном итоге она поглотит в себе все остальные культуры «в одном великом организме»⁸³. Рюккерт оказывается обычным европоцентристом (Европа «более других [типов] соответствует всеобщей идее человечества»)⁸⁴, пангерманистом (германцам он приписывает все великие достижения истории и «духа», который усердно «дышит» не только в Германии, но и – кто бы мог подумать – в Британии и США)⁸⁵, заурядным адептом Гегеля, который, по вере Рюккерта, якобы разрешил все духовные вопросы человечества⁸⁶.

Наконец, Страхов уличил Соловьева в прямом мошенничестве. В своих переводах отрывков из книги немецкого историка Соловьев вставлял слова и целые фразы, которых нет в немецком тексте. Он приписал Рюккерту термин «культурно-исторический тип» и утверждение об «окончательном разделении и независимости культурно-исторических типов» как в прошлой, так и в настоящей истории⁸⁷. Таким образом, Соловьев пошел на подлог текстов Рюккерта с целью во что бы то ни стало сделать правдоподобным обвинение Данилевского в плагиате. «Вот не-

⁸² Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. – Bd. 1. – S. 94-95.

⁸³ Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. – Bd. 1. – S. 96; 504; Bd. 2. – S. 917-919.

⁸⁴ Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского. – С. 168-171; Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. – Bd. 1. – S. 64-65.

⁸⁵ Пространный панегирик «германскому духу свободы и индивидуализма»: Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. – Bd. 2. – S. 16-51. Как мог Ионин обнаружить нацеленность Рюккерта «на диалог» в противоположность «монологичному» и «национально самодовольному» Данилевскому – загадка, не требующая решения (Ионин И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. – С. 274, 275).

⁸⁶ Rückert H. Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. – Bd. 2. – S. 787; MacMaster R.E. The Question of Heinrich Rückert's Influence on Danilevskij // The American Slavic and East European Review. – Cambridge: Cambridge University Press, 1955. – Vol. 14. – № 1. – P. 61. Однако Ионин обвиняет Данилевского в отсутствии «свободного научного исследования», в «метафизическом и догматическом мышлении».

⁸⁷ Страхов Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского. – С. 168.

честивый зачал неправду, был чреват злобою и родил ложь; рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил» (Пс. 7:15–16). После разоблачения подобного философского деяжничества дискуссия с Соловьевым должна была быть прекращена, а его обвинения Данилевского в плагиате должны были войти в историю русской мысли как пример крайней моральной и интеллектуальной нечистоплотности. Остается только повторить слова Р. МакМастера, что о каком бы то ни было влиянии писаний Рюккерта на мысль Данилевского «не может быть и речи»⁸⁸.

Список литературы

1. Гумеров Ш.А. Данилевский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 82–84.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к романо-германскому. – Изд. 5-е. – СПб., 1895.
3. Данилевский Н.Я. Происхождение нашего нигилизма // Данилевский Н.Я. Горе победителям! Политические статьи. – М.: «АЛИР, ГУП «ОБЛИЗДАТ», 1998. – С. 288–335.
4. Ионов И.Н., В.М. Хачатурян. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. – СПб.: Алетейя, 2002.
5. Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. – М.: Наука, 2007.
6. Прасолов М.А. О самобытности // Воронежская беседа. – Воронеж: 1995. – Вып. 1. – С. 22–23.
7. Соловьев В.С. Россия и Европа // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 12 т. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1966. – Кн. 3. – Т. V. – С. 82–147.
8. Соловьев В.С. Счастливые мысли Н.Н. Страхова // Там же. – С. 312–319.
9. Соловьев В.С. Немецкий подлинник и русский список // Там же. – С. 320–351.
10. Соловьев В.С. Самосознание или самодовольство? // Там же. – С. 352–365.
11. Страхов Н.Н. Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского // Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. – Киев, 1897. – Кн. 3. – С. 124–152.

⁸⁸ MacMaster R.E. The Question of Heinrich Rückert's Influence on Danilevskij. – P. 61. Скорее, мы можем с большим основанием вести речь о прямом и существенном влиянии книги Данилевского на О. Шпенглера, в библиотеке которого эта книга была на русском языке.

12. *Страхов Н.Н.* Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Там же. – С. 153–188.
13. *Страхов Н.Н.* Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому // Русский вестник. – М., 1901. – Т. 271. – №1. – С. 127–142.
14. *Флоровский Г.В.*, прот. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М.: Наука, 1993. – С. 237–265.
15. *MacMaster R.E.* The Question of Heinrich Rückert's Influence on Danilevskij // The American Slavic and East European Review. – Cambridge: Cambridge University Press, 1955. – Vol. 14. – № 1. – P. 59–66.
16. *Rückert H.* Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. – Leipzig, 1857. – Bd. 1–2.